

«Монголия»

Я покупаю себе продукты в супер-маркете под названием «Магнолия». Скорее дорогой, но ближе ничего нет, потому в «Магнолии», время дороже денег. Или пацаны из службы безопасности покупают. В просторечии мы называем «Магнолию» Монголией.

Кто-нибудь уже воспел супер-маркет?

Супер-маркет это то место, куда в случае беспорядков в городе следует вселиться. Правда, гипер-маркет — ещё лучше, там и одежда есть. Но даже обычного в шаговой доступности супер-маркета небольшой группе восставших на некоторое время хватит. У них же в нормальное время может тысячи покупают, поэтому группе человек в полсотни будет чем питаться с неделю где-то.

Только командиру нужно будет алкоголь весь под личный контроль сразу взять. Складеировать в отдельном помещении, закрыть на замки, да и часовой будет не лишним.

Ещё нужно будет назначить интенданта. Чтобы всё имеющееся в наличии довольствие разумно делил и организованные завтраки-обеда-ужины чтобы равномерно и всем без исключения поступали.

Девушка тут не лучший вариант. Лучше — тупой мужлан. С кулаками, потому что когда продовольствия станет в обрез, а то и не хватать, тут придется разумную силу применять.

Пока беспорядков нет, заезжаем в Монголию раз в неделю. Раньше я делал это возвращаясь с радио «Русская Служба Новостей», где как раз раз в неделю у меня была программа.

Большой Серёжа по кличке «Мэр» хромая, впереди, большой Саша по кличке «Богер» — сзади, я — посередине, заваливаемся в Монголию. Время уже где-то полдесятого, всё хорошее уже купили. Тележку я хватаю и идём, смеющимися и прокладывающими матом свои остроты, мужланами.

Продукт номер один «курица свежеебитая, цельная», около 1,5 кг. Тотчас же влево выбираю себе красное вино. В пределах трёхсот рублей, больше позволить себе не могу, хотя толк в вине понимаю. Бутылки три, много мне нельзя, по

грамм двести вина в день. Три лимона обычно, три помидора свежие, три яблока самые кислые. Из всего этого я сооружаю нерусские салаты в течение недели.

Иной раз печень говяжью покупаю. Всегда лук зелёный, укроп, кинзу если есть. Петрушку не люблю, она жёсткая. Бергамот, если есть, но он редко есть.

Творог покупаю, брикета три. Творог ем, посыпая сахаром. Чего ещё? Да вообще-то и всё. Хлеба мало ем, лаваш тонкий покупаю или $\frac{1}{2}$ бородинского.

Ну, аксессуары забыл. Морковь покупаю немного, чтоб не ссохлась, морковь я кладу в куриный суп или в куриный бульон. Чеснок покупаю, я его тоже в суп нарезаю, прямо с кожурой, она даёт куриному бульону характер.

Хорошо если бросить больше полстакана вермишели. В самом конце, две минуты варить, ну три.

Картошку я теперь крайне редко. Но если да, картошку, то вымою и целиком варю, чтоб потом, разрезав посередине, в неё сливочное масло. После войны нечищеную картошку называли «в мундире». У нас, в нашей местности, в Харькове называли «в мундире», а у Вас, в Вашей?

Заплатив, побалагурив с кассиршами, выкатываемся из Монголии. Раньше я ещё себе четвертинку порой покупал, чтоб перед сном за обедом. Но после нейрохирургической операции, когда побывал одной ногой на том свете, четвертинки не покупаю, оберегаюсь.

Обязательно наступит время, когда придётся оккупировать супермаркеты. Может, ещё и я доживу. Оккупировать — неизбежно, до того всё довели. И усадьбы придётся грабить. Как они там сейчас называются? Коттеджный посёлок?

Предметы

Когда я был молодой, я бывал в домах всяких корифеев и гениев культуры в России, в Америке и, особенно, во Франции. Дома у них было интересно. Диковинные экзотические вещи: африканские скульптуры, яркие и загадочные картины, тревожные артефакты, зелёные древности, странные редкие книги.

Теперь и у меня всё это есть. Как я ни противился, как ни противилась моя жизнь этим накоплениям, они появились и я вынужден таскать их с квартиры на квартиру.

Революционный по сути своей, мой дух заставляет меня их время от времени прореживать. Так, я вдруг решил выбросить из моих книг все романы, и российские, и на языках. Но чистки мало помогают, мне немедленно надаривают новых книг, и «эта песня хороша, начинай сначала». Я их складирую на полках, а они и так трещат от изобилия.

И это я, который предметы ни во что не ставит, который по смерти последнего родителя — ма-

тери, чего и взял из книг, так это советскую «Историю военного искусства» в трёх томах, да томик Багрицкого, и то потому, что отец меня назвал в честь Багрицкого Эдуардом.

И не взял собрания сочинений Блока и Есенина, и даже не проявил сентиментальности, не увёз с собой «Красное и Чёрное» Стендаля с пятнами моей собственной крови, юношей я взрезал себе вены над этой книгой.

Железный человек, я всё-таки оброс предметами, хотя и не до такой степени как большинство моих соотечественников. Признаюсь, что оброс. Как посещённые мною в моей жизни все эти старые эксцентричные корифеи и гении, презируемая мною интеллигенция.

Я столько раз терял всё! Так, оставленные мною у Мишеля Бидо книги и вещи сжёг за одну зиму в камине поселившийся во флигеле под Парижем отставной солдат Иностранного Легиона, — Мишель уехал в Таиланд и когда через три месяца не вернулся, «proprio» — владелица флигеля сдала его солдату.

Солдат как полагается легионеру, был груб и книжек не читал. Вначале он употреблял для растопки камина мои русские книги, потом употребил рукописи и перешёл на мои фран-

цузские издания. Легионеры же не читают книг, и правильно делают, книги только пыль собирают. Впрочем, я знал писателя — историка Иностранного Легиона, парадоксально, но факт, он был тщеславным, невозможно хвастливым, много пил и ходил в белом пиджаке. Мы были вместе на каком-то литературном сборище и сидели с другими писателями в шатре на берегу Средиземного, город назывался Вилль де Франш, так как-то. Мы там жутко напились с этим солдафоном. Потому что холодно дуло с моря. Ещё, вспоминаю, у него было красное лицо. Не загорелое, но красное, может быть от выпитого.

Когда мне был 21 год, меня друг мой Бахчанян повёл к художнику Василию Ермилову. Художник жил на чердаке где-то на улице Свердлова. Когда-то ему дали этот чердак. Он его постепенно перестроил и сделал удобным. Но умер как все. Поэтому чего устраиваться, всем нужно пользоваться временно. Не рекомендую устраиваться.

У Ермилова были сундуки, а в сундуках — старые всякие рисунки и старые книги 20-х годов. Помню книжку поэму Хлебникова «Ладомир» с иллюстрациями Ермилова и книжку Елены Гуро. Кажется, это были книжки авторские, в одном экземпляре. Мне нравился Хлебников

очень, но ещё и потому что он был кочевник, не был оседлым. Ермилов был оседлым. Я не особенно рвался к нему после, и дело тут не в таланте, талант у него был и немалый, а в том, что он был оседлый.

Я начал с того, что мол бывал в разных домах. Уже в 70-х я бывал у Лили Брик с Катаняном, и в московской квартире, и на даче в Переделкино. Они тоже были оседлые, а мне хотелось прожить мою жизнь то тут, то там, ничего не заводя себе и не покупая.

Так и вышло. Видимо очень хотел, чтоб не заводя и не покупая. Позднее у меня появился опыт, который подкрепил меня в моём отношении к вещам, предметам и местам обитания.

В 1976–1977 я поработал грузчиком в Нью-Йорке. Компания у нас была мелкая, всего один грузовик, «трак» как его по-американски называли, и мы специализировались в перевозках граждан. Мы были дешёвой компанией и нас нанимали небогатые люди. Часто мы вывозили мебель и пожитки умерших владельцев квартир, туда куда могли и хотели их вывезти наследники. Порой — на свалку. Несколько раз мы вывозили разведённых. Ну так у них на коробках было забавно написано: «шузы Питера», «шузы Сьюзен», «кухня Питера», «кухня Сьюзен».

Однажды мы вывозили красивую и печальную девушку с ребёнком из квартиры в центре города в жалкую квартирку где-то в Квинксе. Она была заплаканная и ребёнок все время кричал.

Но особенно запомнилось как наследники безжалостно избавлялись от самых дорогих их умершим родственникам памятных предметов-воспоминаний: фотографии, письма, засушенные цветы, комичные старомодные открытки. Всё это безжалостно сваленное в картонных ящиках, мы по требованию новых жильцов-родственников, в лучшем случае выставляли на край ближайшего тротуара.

Тогда я скрипя зубами, мне было жалко прошлого этих людей, подкрепился в своём желании ничего не иметь. Однако, вот даже довольно внушительный камень привёз себе из Карабаха. В аэропорту в Ереване у меня хотели его отнять, но удалось отстоять камень.
